

КОДЕКС ▼ ПАЦАНА

ПАЦАНЫ

КАЗАНСКАЯ ЮНОСТЬ

Петр
МУРАТОВ

Петр Юрьевич Муратов

Пацаны. Казанская юность

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73866162
ISBN 978-5-17-178117-0

Аннотация

Самое интересное, что даётся человеку, – это жизнь. Не бывает неинтересных жизней – нужно лишь постараться интересно о них рассказать. Книга повествует о реалиях семидесятых – восьмидесятых годов прошлого столетия глазами взрослеющего казанского пацана. О неповторимых временах «развитого социализма», отпечатавшихся в памяти стойким ощущением целостности и противоречивости одновременно – кульминации существования уникальной страны, которая с течением времени всё больше и больше превращается в легенду. Да и просто захотелось вернуться в ту пору: ни очернить, ни приукрасить – рассказать о времени «из времени», ведь автор в какой-то мере так и остался в тех годах. «Мир существует, чтобы войти в книгу» – цитата известная. А что его, мир, «спасет красота» – крылатая.

Содержание

Первый детский симфонический	4
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Петр Муратов

Пацаны. Казанская юность

Первый детский симфонический (повесть о казанском детстве)

*Светлой памяти друга детства Валеры
Денисова посвящаю*

Замысел написания повести родился у меня под чарующие звуки божественной музыки Шопена. С возрастом перед глазами всё чаще стал возникать образ мальчика с рабочей окраины, облаченного в «униформу» казанского гопника с непременно вывернутыми наружу голенищами резиновых сапог, который, озираясь по сторонам и прижимая к груди футляр с флейтой, идет на... репетицию симфонического оркестра. И мальчик этот, как вы, наверное, уже успели догадаться – я. Какого такого оркестра? И почему «озираясь по сторонам»? Обо всем по порядку. Скажу по секрету: став уже пожилым человеком, этот «мальчик» всё еще пытается своими короткими корявыми пальцами воспроизвести звуки произведений великого польского волшебника. А тот мальчик из далеких 70-х уже мысленно вышел из троллейбуса на остановке «улица Павлухина» и пересек дорогу, спустился

по улице Шаляпина по направлению к улице Хади Такташа и, улыбнувшись несущейся из окон приятной какофонии голосов и звуков различных инструментов, вошел в фойе музыкальной школы № 5.

Глава первая

Подавляющее большинство детей приходят в музыку благодаря родителям. Воочию вижу, как папа или мама заводят за ручку в «музыкалку» своё немного испуганное чадо, ещё не остывшее после первого звонка в общеобразовательной школе. Наверное, это правильно, ведь первоклассник еще многого не понимает. А за окном так соблазнительно звучат удары по мячу и крики детворы, еще не успевшей отрезветь от опьяняющей летней вольницы. Да и первые теплые сентябрьские денёчки столь не похожи на осенние! Но... папе с мамой видней. Они не забудут напомнить, что и Моцарт, и Бетховен, и Лист состоялись как музыкальные гении, потому что слушались, в свое время, заботливых отцов.

Однако моя мама бредила спортом. Сама в прошлом перворазрядница по альпинизму, призёр личного первенства Татарии по настольному теннису, заядлая лыжница, прекрасный спринтер и толкательница ядра, она видела меня исключительно спортсменом. Жили мы в Старо-Татарской слободе, на улице Ахтямова, и самые ранние мои воспоминания – это заснеженная, ледяная гладь озера Кабан и я с мамой на маленьких лыжиках с палочками в руках. А ведь как хотелось покатать дома машинки, построить из кубиков домик, покомандовать солдатиками, а не семенить ножками на каких-то деревяшках и, хныкая, пытаться догнать маму, ко-

торая вместо того, чтобы остановиться и подождать, убегает и всё подбадривает непонятными возгласами: «Хоп! Хоп! Хоп!».

В двух шагах от нас, через дорогу, рядом с Садиком меховщиков стояло здание снесенного ныне бассейна. Теплыми деньками через открытые окна оттуда доносились громкие, гулкие голоса, залиvistые трели спортивных свистков, шумные всплески воды – и... участь моя была предрешена. Меня зачислили в группу мастера спорта Камешкова, но тренировал нас веселый тренер по фамилии Насыров. Нравилось ли мне ходить в бассейн? Не знаю, точнее, не помню. Ходил да ходил – лишь бы мама была довольна.

Однако занятия плаванием продлились не больше года, поскольку мы переехали в новую квартиру на Курчатова, что на Танкодроме. Ездить стало далеко и неудобно, к тому же бассейн закрыли на какой-то карантин. Всё – больше спортом я никогда регулярно не занимался.

Территория нового микрорайона «Танкодрома» действительно в прошлом являлась танковым полигоном: внизу, под горой, на Оренбургском тракте стояло Казанское танковое училище. «Танкодром» довольно долгое время сполна оправдывал своё оригинальное название: проехать по нему можно было разве что на танке. Обустройство микрорайона явно запаздывало, социальной инфраструктуры почти не было, кругом торчали унылые серые пятиэтажные «хрущёвки», грязища, на улице регулярно прорывались канализация

или водопровод. Чего стоил один только спуск к остановке шестого троллейбуса по глиняному, скользкому после дождя косогору. Напротив моего дома номер одиннадцать, там, где вскоре встала школа № 90, был неглубокий овраг, заваленный собачьими костями – по слухам, собачники когда-то свозили туда трупы бедных, умерщвленных псов. А мы, мелкая пацанва, надев на палки черепа, часто пугали и гоняли девчонок по двору.

Точнее, «по двору» – не совсем верно сказано. Дворы в их привычном виде исчезли с началом массовой типовой панельной застройки. Обширные пространства между домами люди по привычке продолжали называть дворами. Причём само понятие «двор» стало обретать нарицательный смысл: выражения «уличный», «дворовый» воспринимались синонимами чего-то нехорошего. И я часто грустил, вспоминая уютные дворики Старо-Татарской слободы.

Помню, как мама после первого посещения будущего нового жилища всё повторяла, смахивая слезу: «Дыра, дыра...». Я и сам, вернувшись тогда домой, вздохнув, испытал ощущения, схожие с теми, что чувствуют ноги после примерки в магазине новой, холодной, не разношенной обуви, после возвращения в старые, потертые, но такие родные ботинки. Еще почему-то врезалась в память мертвая собака в овраге недалеко от остановки «улица Даурская». Словом, какое-то неясное тоскливое состояние...

В те времена граница Казани в направлении Оренбургско-

го тракта проходила по высокой насыпи железной дороги, что вела на восток. Дальше вдоль тракта стояли деревни – Аметьево, Старые Горки, Ферма, Борисково. Но Танкодром, шагнув за железку, раздвинул границы города. Тем не менее новый микрорайон воспринимался далекой «тьмутараканью», выселками. Это сейчас, учитывая размеры нынешней Казани, он считается расположенным недалеко от центра.

Но, как говорится, «дают – бери». Выбирать жильё в те годы не приходилось. Мои родители работали инженерами на заводе «Радиоприбор», что на улице Фаткуллина. Мама в 56-м году приехала в Казань по распределению, отец стал трудиться на заводе после окончания Казанского авиационного техникума, успев в процессе работы отслужить в армии и окончить вечернее отделение пятого (радио) факультета КАИ. В 61-м году они поженились и вскоре радостно вселились в девятиметровую комнатку в трехкомнатной коммунальной квартире на трех хозяев на первом этаже. Моя бабушка называла наше более чем скромное жилище «кладовкой со всеми удобствами», что было вполне обычным явлением той поры. Но нужно отметить, что большинство домов Татарской слободы все-таки были дореволюционной постройки и «всех» удобств, понятное дело, не имели.

Через шесть лет мама, имея уже одиннадцатилетний стаж работы на «Радиоприборе», получила возможность расширить жилплощадь, но... всего лишь переехав в другую ком-

муналку, в комнату вдвое большей площади того же дома на Ахтямова. Принятие такого предложения означало бы согласие ожидать очередного улучшения жилищных условий еще неизвестно сколько лет. Мои родители подумали-подумали, отказались от новой комнаты в коммуналке и решили строить кооперативную квартиру.

Квартиры тогда были трех категорий: служебные (проживаешь в ней, пока работаешь в конкретной организации), государственные – таковых было большинство. Эти квартиры давали бесплатно. Государственная квартира ценилась выше: при наличии прописки пользуешься ею бессрочно. Можно разменять её на другую, но ни продать, ни подарить, ни завещать, ни заложить. Словом, полностью не распорядишься, а слово «приватизация» тогда было народу неведомо. Получить бесплатно «хату» от государства, не тратя кровно заработанных, несомненно, представлялось намного более предпочтительным.

Хорошо, если ты работал на большом, мощном предприятии, желательно оборонного комплекса, которое активно строило «своё» жильё. Но вот работники школ, вневедомственных детских садиков, больниц, поликлиник или просто небогатых организаций получали его по горисполкомовским очередям, нередко ожидая своего «отдельного благоустроенного» счастья по 10–15, а то и 20 лет. Прописка по адресу квартиры носила разрешительный характер, в отличие от уведомительной регистрации в наше время.

Кооперативное жильё (его было относительно немного) доставалось гораздо быстрее государственного, поскольку будущие жильцы участвовали в его возведении непосредственно. Так и говорили: государственные квартиры «получали», а кооперативные – «строили». Но даже желая вложить собственные средства, попасть в жилищный кооператив было не так просто – туда тоже была немаленькая очередь. Однако местком завода «Радиоприбор», получив отказ от переселения в коммунальную комнату, пусть и существенно большей площади, пособил родителям со вступлением в кооператив. И вот почти полтора года наша семья, отказывая себе во многом, жила на одну зарплату: вторая шла на оплату первого взноса – почти 1800 рублей, что составляло сорок процентов стоимости квартиры. То были большие деньги: месячные зарплаты инженеров немногим превышали сто рублей. Кое-какую сумму пришлось занять, остальную часть стоимости жилья выплачивали понемногу еще в течение пятнадцати лет.

Наконец-то наш кооперативный двухкомнатный «рай» обрёл явь и плоть! Но квартира принадлежала не нам, а кооперативу, где всё решалось на общем собрании под бдительным приглядом избранного председателя. Помнится, одной семье было отказано в удачном обмене на квартиру в другом районе, поскольку кто-то из членов кооператива нуждался в расширении: дескать, сперва обменяйтесь с ними, а уже их жильём распоряжайтесь, как хотите. Понятное

дело, желанный обмен сорвался.

Но всё равно, наша новая двушка, в сравнении с «кладовкой», воспринималась хоромами. И не беда, что одна комната проходная, а кухонка всего четыре квадрата, главное – «отдельная благоустроенная». Совмещенный санузел? Ерунда! Как говорилось в анекдоте, Никита Сергеевич (чья фамилия навечно прилипла к типу наших пятиэтажек) хоть и успел соединить ванны с туалетами, но не успел соединить полы с потолками. И на том спасибо.

* * *

Погожим первым сентябрьским деньком 69-го года я пошел в школу. Но мероприятия первого школьного дня первым звонком и ограничились: новую школу № 30, что на улице Латышских Стрелков, не успели до конца отделать, поэтому учиться мы начали только с 4 сентября. Был ли виноват в этом новоиспеченный директор школы Азат Тагирович – немолодой, седоволосый, представительный, спортивного сложения мужчина – я не помню, но родители неприкаянных первоклашек дружно «катали бочку» именно на него.

На торжественной линейке я познакомился с будущим одноклассником Валерой Денисовым, с которым мы вскоре стали неразлучными друзьями. Оказалось, что он жил в соседнем подъезде, хотя во дворе до этого пересекаться не доводилось. Валерка был юморным, невероятно веселым, на-

ходчивым пацаном, неистошимым выдумщиком. С его лица никогда не сходила улыбка. Его младшей сестре Тане в будущем была уготована роль моего первого музыкального «наставника».

Первый класс проскочил незаметно. С Валеркой мы сели за одну парту, после уроков вместе делали домашние задания и коротали время в школьной группе продленного дня. Во второй класс пошли уже в другую, новую школу, тоже на Латышских Стрелков, номер девяносто – ту самую, что встала на месте засыпанного оврага с собачьими черепами. Почему обе школы значились тогда на одной улице, мне до сих пор неясно – логически и территориально этот парадокс необъясним. Как непонятно было, отчего на одном пяточке рядышком оказались дома с названиями разных улиц – Курчатова, Комарова и Латышских Стрелков. Ну а про то, почему при нумерации домов выпадали по несколько порядковых чисел, упоминать вообще не стоит – этакая топонимическая градостроительная головоломка.

Впрочем, занятия в новой школе начались вовремя – первого сентября. Ее директором стала жена Азата Тагировича – Роза Шараповна Ильясова, тоже представительного вида женщина, но, в противоположность мужу, совсем не спортивного склада. Мать Валерки, Алевтина Михайловна, устроилась в нашу школу учителем домоводства. Сестра Валерки, Танюшка, стала первоклассницей, параллельно поступив в музыкальную школу на класс фортепиано, когда мы

уже перешли в третий класс.

Четвертый класс начался для меня с неприятной неожиданности: придя на торжественную линейку нового учебного года, я был огорошен – Алевтина Михайловна перевела Валерку в другой класс – из «А» в «В».

Дело в том, что классным руководителем 4 «В» назначили Зину Ивановну – учительницу предпенсионного возраста, участницу войны, которая в свое время была учителем и классным руководителем самой Алевтины Михайловны. Уж не ведаю, каким педагогом она слыла в пору школьной юности матери Валерки, но, забегая вперед, скажу, что ни у меня, ни у моих родителей отношения с Зиной Ивановной (*имя изменено по настоятельной просьбе Алевтины Михайловны*) не сложились. Она относилась к категории преподавателей, как сейчас выражаются, старой «сталинской» закалки: суровая, жесткая, требовательная – на ее уроках всегда царили тишина и порядок.

«Прекрасно!» – скажете вы. Не торопитесь с выводами. Во-первых, никаких шуток, никаких отступлений от темы – только: «Давай-давай-давай!». Во-вторых, Зина Ивановна не гнушалась оскорблениями детей. Согласен, иногда ребятишки просто напрашиваются на «комплимент», но... Когда из ее уст постоянно звучала фраза: «Щеки красные, а ума нет», недоуменно представлялось, что щеки бледные – не только неотъемлемый, но и, с ее точки зрения, необходимый атрибут хорошей учебы. Но это ерунда, намного хуже, когда в

адрес одноклассницы, стеснявшейся своей полноты, «заслуженным» педагогом произносилось на уроке: «Тебе что, жир учиться не позволяет?»»

И совсем брала оторопь, когда, читая на себя характеристику (после шестого класса, уходя на пенсию, Зина Ивановна написала их для нового классного руководителя, а я, каюсь, выкрал), натыкаешься на удивительнейшую фразу: «Для него главное – учёба в двух школах, а уже потом всё остальное». Так хотелось узнать, что же это за неведомое «остальное», что «главнее» учёбы в двух школах (вторая к тому времени – музыкальная)?! В-третьих, за все три года, что Зина Ивановна была у нас классным руководителем, не состоялось ни одного похода, ни одной просто вылазки на природу. Она не интересовалась ни внешкольной жизнью своих учеников, ни ходом чемпионатов школы по футболу и хоккею, где сборная нашего класса неизменно входила в число фаворитов. Словом, было очевидно: человек откровенно дорабатывал до пенсии.

Но тогда, на линейке первого сентября, ясно было лишь одно: Валерка в другом классе! Как такое может быть? Не может! И я попросился в новый «В»-класс. Помню, как на линейке, остановившись на полпути, я оглянулся на оставляемый мною «А»-класс. Ставшие родными за три года начальной школы одноклассники, поняв моё намерение, отчаянно жестикулировали руками: «Куда? Назад, назад!». Однако без Валерки я себя в том классе уже не представлял.

«А»-шники еще года два, встречаясь со мной в коридорах школы, не переставали укорять: «Предатель, предатель...»

* * *

Хотя обида на «А»-класс у меня имелась. А дело было так: к очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, 7 ноября 1971 года, мы, третьеклассники, с волнением готовились увидеть первых пионеров класса. Кто же ими станет? Решала классный руководитель – Вера Петровна Дёмина. В кандидатурах круглых отличниц, примерного поведения учениц Иры Посохиной и Ильсии Сабировой не сомневался никто из класса. Но кто же еще? Моё сердце сладостно заходило от одной только мысли, что я тоже могу стать пионером – «всем ребятам примером». Однако моё имя не прозвучало: то ли незадолго до этого я что-то сломал в классе, то ли с кем-то подрался – не помню. Помню лишь, что с белой завистью смотрел на «алые галстуки, расцветшие на груди» еще двух сияющих счастливиц – Альфии Габдрахмановой и Иры Шугаевой. Но я, стиснув зубы, терпел, поскольку знал из мультфильма «Чебурашка», вышедшего на экраны в том же году, что «В пионеры берут самых лучших». К тому же видел, как много хороших дел сделали Крокодил Гена с Чебурашкой, прежде чем их «взяли» в пионеры.

Следующий приём в пионеры был назначен аж на 22 апре-

ля – день рождения бабушки Ленина. Блин, не доживу! Хотя лучшего подарка на мой первый круглый юбилей, ожидаемый двумя днями раньше, представить было невозможно. Красный галстук уже был куплен, я тайком носил его дома, даже спал в нем. Сладостно предвкушая «тайнство первого посвящения» (приём в октябрята не в счет), на торжественной домашней линейке я принял в пионеры свои любимые игрушки и, повязав на их плюшевые и пластмассовые шеи красные треугольные лоскутки, произнес за них торжественную клятву юного ленинца.

Но и 22 апреля не всем ученикам была уготована великая честь. Для троечников и хулиганов запланировали третью кампанию по приёму в пионеры – аж почти через целый месяц, на 19 мая, в день 50-летнего юбилея Всесоюзной пионерской организации имени Ленина. Логика и высокого смысла в столь изощренно выдуманной последовательности торжественных мероприятий не вижу, хоть убей. И, сдаётся мне, что, вообще-то, самые достойные должны были стать пионерами именно в день славного юбилея Ленинской пионерии. Недаром на уроках пения почти две четверти учили новую праздничную песню:

«Полстолетия звучат наши песни,
Наши горны на солнце горят,
С той поры как по улицам Пресни
Прошагал самый первый отряд!»

Но, видимо, из тех времен было виднее.

И вот, за несколько дней до двух знаменательных для меня событий случилось непредвиденное. Я устроил потасовку в классе с Эдиком Савченко: он побежал от меня, но я, схватив со стола ножницы (только что кончился урок труда), метнул ими в него. Эдик ловко увернулся, а «снаряд» остриём вперед полетел в сторону сидевшей за партой Гули Шакировой, которую в классе звали «Шакирзя». К счастью, она успела среагировать, выставив перед собой локоть. Ножницы вонзились ей в руку, брызнула кровь, Шакирзя громко заплакала, класс замер. Влетевшая в класс бледная, перепуганная Вера Петровна метнулась к Шакирзе, не забыв громко и ясно выкрикнуть в мой адрес: «Вон из пионеров!!!»

Только в тот момент до меня дошел весь ужас содеянного. Конечно, было очень жаль ни в чем не повинную Шакирзю (я до конца учебного года угощал ее печеньем и карамельками), и слава Богу, что ничего серьезного с ней не случилось. Но вот «вон из пионеров!» Как же это пережить? Как?! Оглушенный «приговором» я, громко зарыдав, выскочил из класса и побежал домой, забыв про школьный ранец.

Увидев мою безутешную истерику, мама сперва испугалась, но, узнав, в чем дело, успокоилась. Я же был просто убит. Прекрасно зная, как я ждал и готовился к грядущему торжественному событию, мама решила действовать. Сперва она узнала через Алевтину Михайловну (Валерка тоже должен был стать пионером в тот день), будет ли присутствовать

на приёме в пионеры сама Вера Петровна. – Нет, не будет (выходной день, у нее маленький ребенок, ей это сильно надо?). А кто будет из старших? – Только старшая пионервожатая школы, ну и еще кто-то из сознательных родителей, по желанию. Что ж, добро.

Утречком 22 апреля я, сияя от счастья, в белоснежной рубашечке с красным галстуком на согнутой в локте руке и (внимание!) за ручку с мамой предстал пред ясными очами принимаемых в пионеры одноклассников во дворе школы. Они встретили меня с удивлением, но ничего не сказали. Покатился оживленный разговор, все были в состоянии радостного возбуждения, стоял солнечный погожий денек, щебетали птички – ну, пришел да пришел. Нестройная колонна без пяти минут пионеров двинулась в танковое училище, где на плацу, в присутствии курсантов и офицеров, в торжественной обстановке мы должны были дать клятву верности священному делу Ленина и Коммунистической партии.

Всё прошло нормально, по завершении мероприятия, в ознаменовании знакового события, нам выделили для «изучения» два настоящих учебных танка Т–54 с открытыми люками. Обалдевшие от неслыханного счастья, мы, пацаны, облазили, общупали две грозные боевые машины вдоль и поперек, испачкав белые рубашки. Не каждый день выпадает такая удача, ведь совсем недавно вышел фильм «Внимание, черепаха!», который нам безумно нравился и где были точно такие же танки! Правда, девочки, поджав губки, терпеливо

стояли в сторонке и ждали, когда закончится наш щенячий восторг – оценить по достоинству такую щедрость командования училища им не было дано.

Я находился в состоянии полной эйфории и блаженства. Картину абсолютного счастья жизни дополнял роскошный подарок на десятилетие – новенький, сверкающий велосипед «Салют», заменивший ставший маленьким «Ветерок».

Но на следующий день... На следующий день меня ждала обструкция одноклассников. Оказалось, что после беспощадного «приговора» Веры Петровны все троечники нашего класса возрадовались: «Ура! Петька будет вступать в пионеры вместе с нами!» А тут он является счастливым, с красным галстуком на груди! Начались непрекращающиеся наезды: «Эх ты! Позорник! Припёрся с мамочкой за ручку! Отвечай уж, если облажался! Тоже пацан, называется!..» И в том же духе. Как же это отравляло ощущение праздника! Я кипятился, краснел, пытался что-то объяснить, но подсознательно понимал: пацаны правы, даже драками (мы называли их «махачами») дело не исправишь. Им же не расскажешь, что я уже полгода спал в пионерском галстуке! Немного подсластил горькую пилюлю обид вышедший вскоре фильм «Ох, уж эта Настя!», где главной героине тоже пришлось отбиваться от обвинений и козней коварных активистов-одноклассников, доказывая право стать пионеркой и пройти свой нелегкий путь «через тернии к звездам», красному галстуку, горну и барабану.

Хорошо хоть, что тот третий учебный год вскоре завершился. Потому и ушел я вслед за Валеркой в другой класс без особого сожаления.

* * *

Однако в новом 4 «В» мне была уготована непростая жизнь, ведь я был чужаком. Валерке было попроще, ибо все знали: его мать – училка. К тому же женщиной она была весьма строгой и твердой, в том числе и в отношении к своим детям. За меня особо заступаться было некому, да и ябедничать тогда считалось зазорным.

«Мазу» в новом классе держали двое гопников – Шамиль Хайбуллин, по кличке Шампунь, и Толя Коровин, по кличке Куцый. Естественно, при каждом из них были свои «приближенные». Но между собой «авторитеты» класса были не очень, что можно постараться использовать в своих интересах. Куцый, вдобавок, был на год нас старше.

Большинство учеников нового «В»-класса были знакомы между собой с самого раннего детства: их переселили из каких-то бараков с Суконной слободы. Многие байки о прошлом так и начинались: «Когда мы жили в Старых бараках...» Проживали они тоже компактно – в нескольких домах по улице Комарова. Позднее группировка гопников со всего Танкодрома стала именоваться «комаровские». Уж не ведаю, сохранился ли в сегодняшнем обиходе казанцев тот

старый, но такой родной для меня неофициальный топоним «Танкодром»?

Решающее значение для веса в коллективе имело наличие старших братьев или просто «наставников». Так и говорили: «Он ходит с таким-то». Имярек «такой-то», разумеется, должен был принадлежать к числу «блатных», как они себя называли. У меня, к сожалению, ни старших братьев, ни корешей из блатных не было. Помню, как удачно начавшийся для меня махач с приблатненным одноклассником Серёгой Пашкиным, по кличке Паша, остановил его старший кореш Олег Дружинин, банально мне навтыкав. А конфликт с Маратом Мардановым, назревавший перерасти в махач, обидно и больно (для меня) прервал его старший брат.

Но и собственные «кондиции» тоже имели значение. В новом 4 «В» я, осмотревшись, сразу оценил, что кое-кто из пацанов незаслуженно ставил себя выше меня только потому, что учился в нем с первого класса. Изменить подобный «статус-кво» и продвинуться вверх по пацанячьей иерархической лестнице можно было только одним путем – через махач.

И он вскоре случился! Сцепились из-за какого-то пустяка с Ильгизом Гадельзяновым, по кличке «Грузин», и он дал мне в морду. Зачастую конфликты ограничивались агрессивной риторикой, угрозами и толчками друг друга в грудь. Бывало, ни одна из «сторон» не отваживалась перейти на другой уровень противостояния, несмотря на провокационные

подбадривания «болельщиков», и дать, как мы выражались, «промеж ушей». Удар в морду был равносильно объявлению войны: необходимо было или ответить, или проглотить, фактически сдавшись. Но Грузин явно переоценил свои силы. После короткого динамичного махача он неожиданно для меня отвернулся и заплакал, закрыв лицо руками: я удачно попал ему в глаз – это означало победу. Меня, еще не остывшего от схватки, не разжавшего кулачки, стали хлопать по плечам Шампунь с Куцым: «Молодец! Молодец!»

Но на наших будущих отношениях с Грузином тот махач никак не отразился. Просто Ильгиз (а вместе с ним и другие обитатели «его» ниши в «табеле о рангах») сделал для себя правильные выводы, а я уверенно шагнул на одну ступеньку вверх. Потом мы с ним стали приятелями, к тому же нас объединял жгучий интерес к футболу и хоккею.

Нужно отметить, что умение играть в футбол и хоккей, разбираться в них было тогда обязательным для любого уважающего себя казанского пацана. У Валерки Денисова не очень получалось играть в футбол-хоккей, но он проявлял к ним интерес.

Иногда можно было занять авторитет среди пацанвы, просто хорошо играя. Безусловным авторитетом слыл среди нас игрок от Бога, мой бывший одноклассник по «А»-классу Ильхам Маматов (почему-то все звали его «Эдик»). Причем он был одинаково силен и в футболе, и в хоккее, достаточно сказать, что во дворе всегда побеждала та команда,

за которую играл Эдик. Правда, позднее Эдика из-за постоянных тренировок стало видно всё реже и реже. В юности он играл за «Электрон» – футбольную команду завода «Радиоприбор». Мой отец не раз сталкивался с ним в кассе завода, поскольку Маматов был там кем-то оформлен официально. Но громкой карьеры в спорте сделать ему не удалось, поскольку «Рубин», куда он ненадолго попал на место вратаря, никогда не играл в высшей лиге чемпионата СССР, и было это задолго до звездного восхождения главной казанской футбольной команды.

Летом любая ровная полянка превращалась в футбольное поле, воротами становились камушки или школьные портфели. А зимой мы, пацаны, расчищали снег, используя его для строительства бортов, и заливали уже собственную хоккейную площадку. Штангами ворот служили сложенные стопками кирпичи, натасканные отовсюду. Для прочности конструкции «штанги» обливали водой, но ворота оставались без перекладины, а площадка – без задних игровых зон. Со временем ЖЭКи стали ставить в некоторых дворах деревянные хоккейные коробки.

Но пока на дворе стояла осень. Осень 1972 года – время исторической, незабываемой хоккейной суперсерии «СССР – Канада». Описывать колоссальный интерес к этому захватывающему спортивному зрелищу после показа фильма «Легенда номер семнадцать» излишне. Правда, прямых репортажей из Канады тогда не велось: коммунисты трогатель-

но заботились о здоровом сне трудящихся, и сидеть в ресторанах или смотреть телевизор после 23:00 не полагалось. Счет уже сыгранного накануне матча узнать было неоткуда, поэтому репортаж в записи на следующий день фактически превращался в прямой.

Мы бредили этими играми. Конечно, прекрасно знали и любили наших хоккеистов: Михайлова, Петрова, Харламова, Якушева, Мальцева, Рагулина, Васильева, Третьяка, Анисина и других. Но они были наши, свои: их постоянно показывали по телевизору, их имена были на слуху. Но вот канадцы... Драчливые, без касок, с выбитыми передними зубами, постоянно что-то жующие – они идеально походили на гопников. Именно тогда я впервые услышал выражение «жевательная резинка». Крайне редкие случаи появления у кого-то из пацанов этой вожденной резинки становились настоящим событием – на обжѐвки от нее выстраивалась целая очередь, поэтому даже самый маленький кусочек «жвачки» ценился на вес золота и проживал долгую жизнь, пройдя через десятки пацанячьих ртов. Кому жвачки не доставалось, всё равно во время игры в хоккей совершали энергичные жевательные движения.

А имена канадцев! От них у меня до сих пор захватывает дух: Кен Драйден, грозный Фил и Тони Эспозито, счастливчик Хендерсон, забивший победную шайбу всей серии матчей, костолом Бобби Кларк, Халл, Стив Курнуайе, двое Маховличей, забияка Паризе... Мне немного стыдно вспоми-

нать, но из песни слов не выкинешь. Именно они, а не советские хоккеисты, стали тогда нашими настоящими кумирами, учитывая, что и суперсерию, пусть даже с минимальным перевесом, все-таки выиграли «Кленовые листья»... За право носить имя кого-нибудь из канадских профессионалов шли упорные споры. Тогда же я сменил свой псевдоним «Мурат Задикашвили» (игрок «Рубина») на «Питера Маховлича», но этим громким именем канадского нападающего меня наградил сам Эдик Маматов! К сожалению, из-за тех же канадцев стало входить в моду драться прямо на площадке во время игры (до этого невыясненные спорные «моменты» оставляли для разборок после матча).

Так, мало-помалу, я вживался в новый для себя коллектив класса. Да, играл и разбирался в хоккее и футболе, да, мог грамотно «вклеить промеж ушей», да, умел «побазарить» – это тоже необходимо было правильно исполнить, причем не только по содержанию, но и по форме.

Некоторые пацаны свой «базар», или, как еще произносили, «бáсар», тренировали специально. До сих пор в ушах стоит хрипяще-сипящее, типа зловещее, шипение детским, еще не сломавшимся голоском: «Ну, ты, чё-о-о, деш-ш-шёвка, блин, в натуре, а?! Ты, чушпан, на кого хвост пружинишь? Чё, вальты загрызли что ли? Сма-а-ррри у меня, марёха, ща бампер сверну! Понял?!» Комментарий для непосвященных: «чушпан» – кастрированный поросенок, «марёха» – тот, кого морят, унижают, гнобят. Но что означает фраза «вальты

загрызли», честно говоря, забыл. Или более «продвинутая», явно подслушанная у отсидевших старших братьев или корешей фраза: «Забейся в кураж, вша подшхоночная!» («шхонками» на зонах называли койки).

А дворовые песни! Это было нечто совершенно удивительное! Их исполняли с особым выражением и упоением, в сопровождении трёх гитарных аккордов. Кстати, умение бренчать на гитаре, пусть и крайне примитивно, тоже приветствовалось и почиталось.

Но главным моим козырем была хорошая учёба. Это ерунда, когда утверждают, что за это отличников морили, точнее, если от этого не было пользы для других. Но я не жмотился: и домашку дам скатать, и на контрольной списать, и подскажу на уроке, и шпаргалку, когда надо, по возможности, приплю. Словом, сплошная выгода.

Шампунь, приходя утром в школу до начала первого урока, говорил мне только одно слово: «Быстро!» Это означало, что нужно было быстренько разложить тетради с домашним заданием на подоконнике коридора в нужной последовательности уроков для списывания. И поначалу приходилось мириться с таким неуважительным к себе отношением.

Куцый относился более дружелюбно. Он долгое время сидел у меня за спиной, поэтому со списыванием вообще проблем не возникало. Коровин не раз благодарно говорил мне: «О, Пецца – друг детсца!». Впрочем, это не помешало ему как-то раз на уроке прожечь мне штаны, подложив на стул

зажженную спичку. Но это так, мелочь, «типа шутка».

Моя мама не раз ходила к нему домой по заданию родительского комитета класса, изучала условия проживания, общалась с родителями. Куцый был из многодетной неблагополучной семьи: его мать не работала, а отец, бывший фронтовик, крепко выпивал. Помнится, Коровин-старший не раз с гордостью декламировал: «Я – лейтенант! И Толька тоже будет лейтенантом!» Однако будущему «лейтенанту» визиты моей мамы к нему домой не нравились категорически.

Но однажды Куцый резко зауважал мою маму после одного случая. Как-то раз на улице он начал ей откровенно хамить. Мама, хоть и была почти на голову ниже, недолго думая, ловко скрутила его своими сильными спортивными руками и выдала такой грамотный «басар», что тот просто обалдел, совершенно не ожидая подобного от маленькой, интеллигентной с виду женщины. И потом всё расспрашивал меня, где это она научилась так «базарить».

Я отшучивался, но не стал ему рассказывать, что жестокие качели судьбы в годину военного лихолетья забросили мою осиротевшую маму, в то время двенадцатилетнюю девочку, и в немецко-румынскую оккупацию в Краснодаре, и в детский спецприёмник, и на несколько месяцев – в колонию для малолетних преступников на Ставрополье, где она носила кличку Полковница и кое-что крепко усвоила на всю жизнь. Позже «Полковницу» за хорошее поведение перевели в пятигорское специальное ремесленное училище, гото-

вившее военных радистов. Но война, к счастью, закончилась. С той поры моя дорогая матушка, Людмила Петровна, гордо носит почетное звание «Труженик тыла», а День Победы в нашем доме всегда отмечался как самый светлый, самый радостный праздник. Постоянно звучали военные песни, родители вспоминали те суровые годы, ставили на видное место фотографии погибших родственников (я назван Петром в честь погибших на войне отцов моих родителей). Правда, мама никогда не смотрит военные фильмы: ее до сих пор трясёт от воя заходящего на пике бомбардировщика.

Впрочем, по душам с Куцым она тоже умела поговорить. Как-то раз, уже после окончания школы, мама встретила на улице его, повзрослевшего и немного остепенившегося, и, по-доброму пообщавшись, сделала ему комплимент: «Ты, Толя, стал таким красивым! Если б у меня была дочь, я б ее за тебя отдала!» «Друг детства», – говорит, – аж зарделся, настолько приятно ему было это услышать.

Но тогда, школяром, Куцый был злым и жестоким гопником, постоянно кого-то «отоваривал» (бил), «обшакаливал» (отнимал деньги) и, понятное дело, курил, – многие его боялись. Он, кстати, единственный из класса не был принят в пионеры. Кое-кто из старших гопников обзывал Куцего «октябрёнком», но из нашего класса на подобный «комплимент» в его адрес не отваживался никто: «промеж ушей» можно было схлопотать железно.

Но были ли такие паца... пардон, мальчишки, которые не могли принять и усвоить все те правила, которые не махались, не умели грамотно базарить, не интересовались футболом-хоккеем, не ставили три аккорда на гитаре? Еще и учились не очень? Конечно, были. Участь многих из них в нашей школе оказалась незавидной.

В нашем классе это был прежде всего Тагир Аглиуллин, который переехал с родителями в Казань из райцентра Нурлат где-то в пятом классе. Тихий, скромный, слабенький – мухи не обидит. Морить его, конечно, никто по-настоящему не морил: считалось за низкое, но клевали регулярно. Зачастую просто так, для поддержания своего «рейтинга», из желания самоутвердиться за счет слабого, даже девчонки его задирали.

Дети жестоки и часто безрассудны, особенно, как я заметил, где-то в средних классах, в раннем подростковом периоде. Потом, в старших классах, мозги постепенно начинали заполняться разумом, отношения между учениками становились более уважительными.

К тому же количество девятых классов, в сравнении с восьмыми, уменьшалось на один. Наиболее одиозным ученикам давали понять, что в девятый их не возьмут, предлагая загодя подыскать какое-нибудь ГПТУ. Уходили и те, кто

выбирал для дальнейшего образования техникумы или творческие училища (музыкальное, художественное или хореографическое). В результате один класс попадал под сокращение и расформирование. Все мы волновались, задаваясь тревожным вопросом: какой? По иронии судьбы им оказался как раз мой бывший «А»-класс. А некоторые его ученики, перешедшие к нам, вновь стали моими одноклассниками. Особенно я был рад «воссоединению» с Камилем Зайнутдиновым, по кличке Камбал, и Толей Таборкиным, по кличке Баклый. Буквенное обозначение нашего класса тоже поменяли: с «В» на освободившуюся литеру «А», так что с девятого класса я вновь превратился в «А»-шника. Ещё годом позже из пяти восьмых стали делать только три девятых класса, что существенно стимулировало интерес к учебе и хорошему поведению для желавших оставаться учиться в школе.

Из нашего класса тогда и «попросили на выход» Куцего с Шампунем. Кстати, Шамиль впоследствии стал уважаемым человеком, крепким семьянином, прекрасным автомехаником. Он, конечно, в лихие девяностые «поработал» с братвой, но кому тогда не «сносило крышу»? В те же годы он дал, по слухам, хорошие средства на строительство мечети «Мадина», что у нас на Курчатова. К сожалению, ни Шампуня, ни Куцего уже давно нет в живых...

Но тогда, в пятом классе... Каюсь, я тоже изредка поклёвывал бедного Тагира. Потом, уже где-то в восьмом клас-

се, я присмотрелся к нему поближе. Оказалось, что у Тагира тонкая поэтическая натура: он любил литературу, театр, пытался писать прозаические миниатюры, но вот учился совсем неважнецки. Я не раз говорил ему: «Тагир, почему ты троечник? Ты же неглупый пацан!» Он: «А мне, мол, просто неинтересно учиться». Однако в последующие годы Тагир закончил заочно филфак Казанского университета, отделение «журналистика», долгое время проработав по специальности. Одним словом, взял я Тагира под своё покровительство. «Поклёвки» почти прекратились, что существенно повысило его самооценку и уверенность в себе.

Ещё одним учеником нашего 4 «В», заметно выбивавшимся из общей канвы пацанов, был Фарид Хакимов (*имя изменено*) – как и мы с Валеркой, новичок класса. Но простекало это вовсе не из-за его физических кондиций. Фарид был тактичен, вежлив, выдержан и, несмотря на совсем юный возраст, внутренне интеллигентен. Он был как бы немного из другого времени. Вспоминаются удивительно точные слова на этот счет из песни Булата Окуджавы: «Дворянство, растворенное в крови, неистребимо, как сама природа...» Это про Фарида, или, как мы стали его называть (и зовём до сих пор), «Фори́на». Конечно, он был не из дворян, но из рода Мустакимовых – татарской интеллигенции еще дореволюционной поры.

Дед Фори́на по материнской линии, Мухтар Мустакимов, работал землеустроителем, в Первую мировую войну служил

штабс-капитаном. Его родному брату Искандеру удалось до революции закончить КИУ («Казанский Императорский университет»), что было для тех времен исключительным фактом.

Дома у Форина хранился большой семейный альбом в красивом бархатном переплете со старинными фотографиями, я не раз с интересом его перелистывал. Помню черно-белую фотооткрытку, присланную Искандером-абый. На ней – изображение с видом какого-то европейского города и его письмо брату на русском языке, написанное ныне практически «вымершим» идеальным каллиграфическим почерком. Оно начиналось приветствием: «Мой милейший брат Мухтарь!» Ну, кто сейчас, скажите на милость, пользуется таким трогательным старомодным эпитетом «милейший»?

Мухтар-абый устанавливал советскую власть в Стерлитамакском уезде. Там же он женился на простой девушке Фатиме, у них родились три дочери. Все сестры получили высшее образование: старшая, Дина закончила с отличием университет, средняя, Таисс (мама Форина), и младшая, Земфира – консерваторию. Словом, обстановку, в которой рос Форин, представить несложно.

Своих детей у сестер Дины и Земфиры не было, поэтому Форин был окружен общей заботой и вниманием. Муж тети Земфиры, дядя Рашид, тоже любил и привечал его. Бабушку Форина, Фатиму-апу – такую маленькую, аккуратную, плохо говорившую по-русски, в длинном белом платке – вспоми-

наю добрейшим душой человеком, приветливой и гостеприимной. Она относилась ко мне прекрасно, всегда чем-то угощала, любила пообщаться, повспоминать прошлое. Однако я не забыл, как она коршуном вылетела из дома, заведя в окно начавшийся у меня с Форином махач. Фатима-апа жила в центре, на улице Жуковского, и часто гостила у дочери с внуком.

В доме Форины (а жил он через три подъезда от моего) на книжных полках стояли книги дореволюционного издания. Но меня буквально завораживало светлого цвета немецкое пианино, инкрустированное изящной резьбой, 1879 года производства. Конечно, за сто лет дерево рассохлось настолько, что настроить инструмент было уже невозможно, да и попутешествовать ему довелось немало. Клавиши, покрытые пластинами из слоновой кости, от времени стали разноцветными. Вдрызг расстроенный звук того пианино очень напоминал тот, что сопровождает старые немые фильмы. Таисс Мухтаровна работала преподавателем музыки, поэтому ей пришлось купить обычную «штамповку» – пианино «Казань», которое, хоть возможно было настраивать. Но старинный музыкальный раритет до сих пор красуется в их доме, правда, уже много лет на нем никто не играет.

Я так подробно описываю родословную Фарида, чтоб ясно представлялось, насколько глубоко противоестественны и решительно неприемлемы были для него многие «условные рефлексы» и нормы поведения нашей пацанвы. Хотя Форин

неплохо играл в футбол и хоккей, обустроивал с нами хоккейную площадку (ох, и наплескали мы в его квартире, таская ведрами воду для заливки льда, пока мать была на работе – он жил на первом этаже) и, также как все, «сходил с ума» осенью 72-го года во время великого советско-канадского противостояния.

Вскоре наш с Валеркой неразлучный дуэт превратился, благодаря Фोरину, в трио. И не только из-за того, что мы были в 4 «В» новенькими, жили в одном доме и, естественно, поддерживали друг друга. Главное – мы почти идеально подходили и интеллектуально, и психологически.

Этажом выше Форина жила одноклассница Эльвирочка Зарипова – отличница, воспитанная, симпатичная девочка. Её мать, Фания-апа, работала учительницей в нашей бывшей тридцатой школе. Форин дружил с Эльвирой, заходил в гости, они часто вместе делали домашние задания. На сленге того времени это называлось «кадрили» или «ходили».

Но вот Эльвира приглянулась Шампуню. Форин был вызван им «на разговор» после уроков в присутствии двух его прибалтненых одноклассников-корешей – Пашии и Рината Гарипова, по прозвищу «Рэм». Мы с Валеркой с некоторого расстояния, на всякий случай, страховали ситуацию. Но общего махача, которого мы, естественно, не желали, страшно, к счастью, не случилось. Расстроенный Форин, глубоко вздохнув, поведал нам: «Они пригрозили убить меня, если я буду ходить с Эльвиркой...» Озабоченно вздохнули и мы с

Валеркой, решили доложить ей про состоявшийся «басар».

«Фи! – не без некоторого удовлетворения от полученного сообщения фыркнула Эльвира. – Тоже мне, влюбленный нашелся!» В результате, забегать друг к другу в гости они с Форином не прекратили, но ходить вместе перестали. Хотя, как выяснилось позднее, Эльвире нравился Рэм – что ж, «авторитетные» пацаны, смелые и активные, были не лишены харизмы и привлекательности.

Конечно же, угроза убийством – это так, детские понты, часть общепринятых «правил». Хулиганье обитало повсюду, их дух, своеобразная субкультура «нормального пацана», казалось, были разлиты в воздухе той, прежней Казани. И очень многие мальчики из благополучных семей, хорошо успевавшие, занимавшиеся в музыкальных или художественных школах, тем не менее, старались походить на них из желания выглядеть круче.

В нашей неразлучной троице в этом, пожалуй, больше всех преуспел я, часто одеваясь и «базаря» как гопник. Как ни странно, на мою внешнюю «обёртку» регулярно покупалась мать Эльвирки. Она всё «давила на мозг» Таисс Мухтаровне и Фатиме-апе и не раз при мне, повизгивая, громко внушала Форину: «Фарид! Почему ты дружишь с Петей?! Он ничему хорошему тебя не научит!» Я же испытывал двоякие чувства. С одной стороны, казалось странным, что Фания-апа считает меня гопником, ведь она знала, что я хорошо учусь, и была знакома с моими родителями (хотя, к сожа-

лению, иногда хулиганами становились пацаны не только из неблагополучных семей). Но с другой стороны, было лестно осознавать, что выглядел гопником я вполне правдоподобно. Поэтому как-то раз после очередного «наезда» Фании-апы я артистично сплюнул на асфальт и развязно ответил стандартной фразой: «Ну, чё-ё разоралась-то! Отдыхай!», чем еще больше настроил ее против себя.

Форин всё вздыхал, тоскуя по двору своего раннего детства, который находился в Соцгороде. Впрочем, не берусь утверждать, что там он бы смог в последующем избежать контактов с хулиганьём.

* * *

Существуют такие святыне для каждого понятия, как Родина, малая Родина и, наконец, отчий дом. Но у многих есть ещё одно промежуточное звено: «очень малая» Родина – двор, улица, квартал.

У Форина этим местом как раз и являлся тот дворик в Соцгороде, со скамеечками под кустами сирени у подъездов, выходящий одной стороной на садовые участки. Раньше в Казани было много дачных обществ – как «легальных», так и не очень – расположенных в черте города. И не беда, что участки малюсенькие и порой почти отвесные, а домики напоминали скворечники. Главное – рядом. К сожалению, сейчас этих дачек практически не осталось: земля очень дорога,

не до растениеводства.

Форин рассказывал, что когда был совсем маленьким, ему казалось: там, в садах, живет Солнышко, ведь оно каждый день ложилось спать, скрываясь за яблоньками. Много раз он собирался сходить в гости к Солнышку, но так и не дошел. без мамы нельзя, а ей самой почему-то не хотелось – как так?

Об этом Форин как-то трогательно поведал мне, уговорив съездить приобщиться к его святыне. Я из вежливости согласился, поехал, но, понятное дело, ничего особенного не увидел и не прочувствовал. Двор как двор, каких тысячи, это ЕГО и только ЕГО. Форин до сих пор, прихватив бутылочку легкого винца, изредка навещает свой дворик, сидит на скамеечках, с упоением вдыхая ароматный воздух детства, нежно поглаживает стволы сиреней и с горечью наблюдает, как «Солнышкин домик» всё активнее теснят новые многоэтажки.

Очень малая Родина есть и у меня. И это, нетрудно догадаться, не Танкодром, а тот маленький дворик на углу Тукаевской и Ахтямова, рядом с автобусной остановкой, хотя в пору моего детства ее не было. Была лишь трамвайная остановка «улица Сафьян», чуть выше по Тукаевской. Когда-то этот дворик был для меня целой планетой – таким большим он казался, а наша «кладовка со всеми удобствами» представлялась космическим кораблем.

Вот здесь, в углу двора, была разбита клумба, рядышком – песочек, где можно повозиться с любимым грузовичком. А

вот бордюр, похожий на железнодорожный состав – я с детства обожал железную дорогу, поэтому разрисовывал мелом каждую бордюруину: первая – тепловоз, дальше – вагоны. Вот тут стояли сараи, в одном из них сосед по фамилии Бяков держал своих охотничьих собак – Тайгу и Достигаю; псы, приветливо виляя хвостами, бережно брали еду с моих рук. С его сыном Ильдаром я дружил. В соседнем подъезде жил Альбертик. Помню, как я заставил изрядно поволноваться свою маму, когда, не предупредив ее, уехал с ним и его отцом куда-то на их мотоцикле с люлькой. А в небольшом старом двухэтажном домике, примыкавшем к нашему дому, на втором этаже проживал еще один дворовый друг – Рамир Самигуллин. В нашем подъезде жила девчонка, старше меня, Леночка Канцевич – страстная любительница кошек. Она постоянно притаскивала их в подъезд, вывешивая у входа в него грозные объявления типа: «Серую кошечку не бить!»

Но самое любопытное происходило в соседнем дворе, от которого нас отделял дощатый забор: в одном из его домов находился вытрезвитель. И мы, детвора, прильнув к щелям в заборе, с большим интересом наблюдали, как из регулярно подъезжавших милицейских «воронков» выгружался весьма своеобразный контингент, насильно доставленный в это специфическое медучреждение.

А сразу за дворовыми воротами, выходящими на Тукаевскую, для меня распахивался целый мир! Оживленный перекресток, приветствующие перезвонами трамваи восьмого

маршрута. Мне ещё удалось застать старинные, обветшавшие трамваи в два вагона с деревянным полом и дверями, которые открывались руками. Я называл их «дугу-дугу» по схожему звуку, который они издавали. Более современные трамваи, уже с автоматически открывающимися дверями, получили название «чили-чили». Сейчас трамваи по Тукаевской уже не ходят.

Старо-Татарская слобода, или по-другому Искее-Бистее, – очень интересный с исторической и архитектурной точек зрения район. Испокон веку в нем селилось татарское население Казани, но вихри перемен XX века всё перемешали. Однако району удавалось сохранять свою историческую самобытность. Многие старинные двухэтажные домики имели печное отопление, а в глубине двориков стояли дровники. Ветшающих «ветеранов» постепенно сносили, заменяя их новостройками. В одной из них – трехэтажной «сталинке» с балюстрадой и полуколоннами – я и жил.

Но тогда, в пору моего детства, Слобода была намного более целостна и колоритна в архитектурном отношении, чем сейчас, хотя сегодня и пытаются кое-что восстановить или отстроить заново, стилизовав под старину. Шагая по Тукаевской на прогулку в Юнусовский садик или в кино в ныне почивший кинотеатр имени Тукая, моё внимание неизменно привлекало красивое зданьице с башенками, где до революции жил турецкий консул. Для сведения непосвященным: Габдулла Тукай – великий татарский поэт, «татарский Пуш-

кин». *«Есть аул вблизи Казани под названием Кырлай, даже куры в том Кырлае петь умеют – дивный край...»* – с выражением декламировал я когда-то со сцены строки из его знаменитой сказочной поэмы «Шурале».

И, конечно же, совершенно неповторимый колорит Слободы придавали старинные мечети. Рядом с роддомом № 5 на Фаткуллина, где я появился на свет Божий, стояла легкая, словно рвущаяся ввысь, Азимовская мечеть, с красивыми цветными витражами (там в то время «квартировала» республиканская школа киномехаников). Мимо Бурнаевской я каждый день ходил в детский садик № 66 на улице Нариманова (ныне Сары Садыковой). Еще немного выше по Нариманова стояла Зенгер (голубая) мечеть, а недалеко от нашего дома – Апанаевская. Но и они использовались тогда не по назначению.

Единственной действующей мечетью в городе была Марджани. Помню, одно лето меня водили к няне – бабе Наташе, проживавшей напротив мечети в четырехэтажном доме желтого цвета на углу улиц Зайни Султана и Каюма Насыри. С ее балкона открывался прекрасный вид на мечеть и ее подворье. Было интересно наблюдать за неспешной жизнью храма, за спешившими на молитву старичками в тубетейках и с палочками. Я вслушивался в таинственные, завораживающие звуки молитвенных сур, которые разрешалось совсем негромко исполнять (православный колокольный звон был вообще запрещен). В доме бабы Наташи их было хоро-

шо слышно. Она жила в их ритме: вставала с утренним намазом, а, заслышав обеденную молитву, звала кушать.

В ясли меня отдали девяти месяцев от роду (во были времена!). Няни-татарочки общались с русскими детьми по-русски, с татарскими – по-татарски. Благодаря фамилии я считался татарчонком, поэтому, вернувшись из яслей, продолжал общаться со своими родителями по-татарски и только где-то через полчаса переходил на русский. Впрочем, лексикон маленького ребенка не настолько сложен, чтоб родители не смогли понять своё чадо, на каком бы языке оно ни говорило, тем более что мой папа знал немного татарских слов.

Всё это глубинным пластом годами откладывалось в душе, сохранив позитивное восприятие всего татарского на всю жизнь, хотя потом судьба забросила меня за тысячи километров от Татарстана – в Сибирь. И здесь многие считают меня татаринном – да и ради Бога, или, как говорилось в одном анекдоте, «ай латна-а-а». Каждый визит в Казань я захожу в свой ныне плотно заставленный автомобилями родной дворик. С годами он сильно «уменьшился» в размерах, да и друзей-соседей там уже совсем никого не осталось.

Далеко не каждый город может похвастаться наличием в своих границах крупного естественного водоема, не считая рек и речек. Зато в Казани целых три озера, и все – Кабаны: Верхний, Средний и Нижний. С каждым из них у меня связано что-то личное: на Верхний Кабан в Борисково, уже

проживая на Танкодроме, часто ездил купаться; на Среднем стоит зоопарк, куда я обожал ходить (сперва с родителями, потом уже со своими детьми).

Но самый родной из Кабанов – конечно же, Нижний. Его близость здорово украшает Старо-Татарскую Слободу. А мы жили вообще всего в двух шагах от озера. Что может быть лучше вечерних прогулок вдоль тихой, приятно пахнувшей озерной воды! Вверх по Комсомольской (ныне Марджани) набережной до здания электростанции темно-синего цвета (на ее месте сейчас стоит Татарский драмтеатр имени Камала) мимо завсегдатаев-рыбаков. Помню, как один из них подарил нам только что выловленную, бьющую хвостом рыбешку довольно больших размеров, и как я стал умолять маму отпустить ее обратно «домой». С ранней весны, как только сходил лед, до поздней осени гладь озера бороздили спортсмены-ребцы. Их база – большой деревянный барак с дощатым причалом – находилась напротив Слободы, там же можно было взять покататься лодку. Ну а про зимнее использование замерзшей поверхности Нижнего Кабана я уже упоминал.

Вновь и вновь я мысленно выхожу со своего дворика и иду вниз по Тукаевской. Вот садик прямо напротив окон кухни нашей коммуналки – там меня когда-то выгуливали в колясочке, рядом – Клуб меховщиков. Вот трамвайная остановка «Красный Восток» – вокруг нее всегда вкусно пахло пивным солодом и суслом. А вот бани, которые мы регулярно

посещали. До химкомбината имени Вахитова лучше не доходить (там пахло невкусно), поэтому лучше через спортплощадку «Радиоприбора» пройти вправо на параллельную Тукаевской улицу Нариманова. Рядом с площадкой – заводской клуб, где проводились новогодние ёлки, которые я так ждал и любил. О! Вот он – целый мир: родной садик № 66! Вздыхаю, вспомнив своих детсадовских «дам сердца» – очаровательных Нелечку Якупову и Гузель Загидуллину, дай Бог им здоровья! Поворачиваю вправо на Ахтямова и мимо Бурнаевской мечети домой... Булды, всё! Экскурсия в прошлое закончилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.